

ТЕОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

DOI: 10.18287/2542-047X-2019-5-2-7-14
УДК 340.111.5

Дата поступления статьи: 6/II/2019
Дата принятия статьи: 22/III/2019

М. Ю. Спирин, А. А. Кузнеченков

КАТЕГОРИЯ «ПРАВОПРОЦЕСС» КАК РАЗВИТИЕ ПОНЯТИЯ «ПРАВООТНОШЕНИЕ» В КОНТЕКСТЕ РЕКУРСИВНОЙ ПАРАДИГМЫ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ

© Спирин Михаил Юрьевич (smy@samaradom.ru), кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права и международного права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Тема кандидатской диссертации: «Теоретические проблемы законотворческой деятельности в Российской Федерации». Автор более 75 научных и методических работ, в том числе 3 учебных пособий: «Сравнительное правоведение» (Самара, 2012 и 2016), «Общая теория права и государства» (Самара, 2016).

Область научных интересов: общая теория права, социология права, учение об истоках, источниках и формах права, сравнительное правоведение, юридическая география мира, теория международного права.

© Кузнеченков Андрей Анатольевич (andrey.kuznechenkov.1970@gmail.com), инженер-системотехник, бакалавр юриспруденции.

Тема выпускной квалификационной работы: «Структура права как формальной системы» (защита в Самарском университете в 2018 г.). Автор 3 научных работ.

Область научных интересов: общая теория права, синтез теории права и теории формальных систем, структура права, правоотношение.

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается возможность развития понятия «правоотношение» в контексте рекурсивной парадигмы в правовом регулировании, которая стала результатом предпринятой попытки синтеза общей теории права и теории формальных систем. Синтез теорий осуществлялся на основе проведенного анализа сферы правового регулирования с использованием понятия «рекурсия».

Результатом проведенного исследования стала категория «правопроцесс», которая является следствием развития понятия «правоотношение» в современной общей теории права. Высказывается предположение о том, что использование категории «правопроцесс» позволит более полно и точно описать современную процедуру правового регулирования. Определен ряд понятий, применение которых в рамках категории «правопроцесс» будет способствовать решению задач, направленных на качественное увеличение объема и повышение степени точности самого правового регулирования.

Авторы представляют на обсуждение вопросы, решение которых будет способствовать созданию теоретической основы «погружения» современного права в виртуальное пространство.

Ключевые слова: правоотношение, правопроцесс, рекурсивная парадигма в правовом регулировании, цифровое право, «сансара права», материальный субъект, учрежденный субъект, материальный уровень правового регулирования, итерация права, правовой статус субъекта.

Цитирование. Спирин М. Ю., Кузнеченков А. А. Категория «правопроцесс» как развитие понятия «правоотношение» в контексте рекурсивной парадигмы в правовом регулировании // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 2. С. 7–14. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-2-7-14>.

M. Yu. Spirin, A. A. Kuznechenkov

CATEGORY «LEGAL PROCESS» AS A DEVELOPMENT OF THE CONCEPT «LEGAL RELATIONSHIP» IN THE CONTEXT OF RECURSIVE PARADIGM IN THE LEGAL REGULATION

© **Spirin Mikhail Yurievich** (smy@samaradom.ru), Candidate of Legal Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Theory and History of State and Law and International Law, **Samara National Research University**, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Subject of Candidate thesis: «Theoretical problems of legislative procedure in the Russian Federation». Author of more than 75 scientific and methodological works, including 3 tutorial guides: «Comparative jurisprudence» (Samara, 2012 and 2016), «General theory of law and state» (Samara, 2016).

Research interests: general theory of law, sociology of law, study of law's initial sources, sources and forms, comparative jurisprudence, juridical geography of the world, theory of international law.

© **Kuznechenkov Andrey Anatolievich** (andrey.kuznechenkov.1970@gmail.com), system engineer, bachelor of law.

Subject of qualifying thesis: «Structure of law as a formal system» (2018). Author of 3 scientific works

Research interests: general theory of law, synthesis of the theory of law and theory of formal systems, structure of law, legal relationship.

ABSTRACT

In this article authors consider the possibility of developing the concept of «legal relationship» in the context of the recursive paradigm in the legal regulation, which was the result of an attempt to synthesize the general theory of law and the theory of formal systems. Synthesis of theories was carried out on the basis of the analysis of the sphere of legal regulation using the concept of «recursion».

The result of this study was the category of «legal process» which is a consequence of the development of «relationship» concept in the modern general theory of law. It is suggested that use of the category of «legal process» will allow more fully and accurately describe the modern procedure of legal regulation. A number of concepts have been defined, the application of which within the framework of the «legal process» will contribute to the solution of tasks aimed at a qualitative increase in the volume and in the degree of accuracy of the legal regulation.

The authors present for discussion the questions, the solution of which will contribute to the creation of theoretical basis for «immersion» of modern law in the virtual space.

Key words: legal relationship, legal process, recursive paradigm in the legal regulation, digital law, «sansara of law», material subject, established subject, material level of legal regulation, iteration of law, legal status of subject.

Citation. Spirin M. Yu., Kuznechenkov A. A. *Kategoriya «pravoprotsess» kak razvitie ponyatiya «pravootnoshenie» v kontekste rekursivnoi paradigmy v pravovom regulirovanii* [Category «legal process» as a development of the concept «legal relationship» in the context of recursive paradigm in the legal regulation]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2019, Vol. 5, no. 2, pp. 7–14. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-2-7-14> [in Russian].

«Одним из основных, фундаментальных понятий правовой науки является “правоотношение”. Это та форма, в которой абстрактная норма права приобретает свое реальное бытие, воплощаясь в реальном, конкретном общественном отношении» [1, с. 6]. Именно так известный исследователь Р. О. Халфина в свое время определяла место и значение понятия «правоотношение» для общей теории права, специально замечая: «...нельзя считать, что созданные теорией понятия и положения остаются неизменными в условиях бурного развития общества и расширения сферы правового регулирования. Для того, чтобы служить надежной основой решения конкретных жизненных проблем, основные положения теории должны постоянно

обновляться, развиваться, вбирая в себя весь опыт общественной жизни, обобщая и анализируя его» [1, с. 5].

Понятие «правоотношение» было специальным предметом исследования как в работах Р. О. Халфиной, так и в трудах Н. Г. Александрова, Ю. К. Толстого, С. С. Алексеева, Н. И. Матузова, Ю. И. Гревцова, В. Н. Протасова и других видных теоретиков права второй половины XX века. В то же время за несколько последних десятилетий произошли существенные изменения как в смежных научных областях, так и в требованиях к определению сущности самого процесса правового регулирования.

Так, теория формальных систем получила свое развитие в прикладных науках (теория формаль-

ных языков, теория алгоритмов, теория автоматов и т. п.), которые, в свою очередь, были успешно реализованы в языках программирования. Языки программирования в сочетании с компьютерными технологиями позволили создать виртуальное пространство, в котором можно моделировать процессы, происходящие в реальном пространстве и времени.

Развитие самих общественных отношений обусловило изменение требований к процессу правового регулирования. Во-первых, значительно увеличился сам объем правового регулирования за счет появления новых областей правовой регламентации и расширения сфер уже имеющихся. Во-вторых, повысились требования к точности правового регулирования, которая является следствием общественной потребности в наиболее точном и четком процессе правовой регламентации, приближенном к реальным социальным взаимодействиям. В-третьих, на фоне постепенного «погружения» общественных отношений в виртуальное пространство понятия «цифровое право» («право виртуального пространства») с каждым днем все больше обнаруживает себя в качестве элемента реальности.

При этом, к сожалению, приходится констатировать тот факт, что изменений в отечественной общей теории права, которые свидетельствовали бы о принципиальной готовности права к цифровому развитию, не наблюдается. Напротив, происходящее в настоящее время в российской общетеоретической юридической науке более чем красноречиво указывает на структурный кризис теории права в целом и на кризис системообразующих категорий и понятий в частности.

Вышедшая в 2019 году монография П. П. Серкова «Правоотношение (Теория и практика современного правового регулирования)» – безусловно, значимое и долгожданное в отечественной теории права событие. Автором проведен тщательный анализ понятия «правоотношение» как с теоретико-методологической, так и с практической сторон, выявлен целый комплекс соответствующих проблем развития правового отношения.

Одной из этих проблем, по мнению П. П. Серкова, является недостаточная динамика во внутри-правовом развитии общих юридических норм, которая указывает на структурные проблемы в праве в целом. Так, обращая внимание на то, что «состояние динамики правоотношения не является чем-то новым для научного сообщества» [2, с. 81], П. П. Серков приходит к выводу, что «наметившийся отход от статичного понимания правоотношения не получил развития. На протяжении многих десятилетий конкретные проявления динамики правоотношения... остаются за пределами исследовательского внимания» [2, с. 82].

Предложенный П. П. Серковым выход в использовании категории «потребности – цели» вряд ли поможет разрешить данную проблему. Одним из предположений, почему автору монографии «Правоотношение (Теория и практика современного

правового регулирования)» так и не удалось найти подход для разрешения выявленной проблемы, является то, что он находится в рамках классической для права системы координат – понятий, которые как раз и не позволяют разрешить сложившийся кризис. Очевидно, что изменения в структуре права нужны более радикальные: фактически речь идет о поиске *новой парадигмы в понимании правового регулирования*. В качестве такой парадигмы при изучении процессов правовой регламентации предлагаем рассмотреть рекурсивную парадигму правового регулирования или «парадигму самоприменимого права».

Можно предположить, что синтез общей теории права и теории формальных систем на основе дополнительного анализа сферы правового регулирования с использованием системного подхода и понятия «рекурсия» позволит развить имеющиеся категории в общей теории права и сформировать новую систему координат-понятий, в которой право сможет обрести более эффективную и современную структуру. Поиск общих понятий, на основании которых появляется возможность осуществить качественный синтез общей теории права и теории формальных систем, посвящена эта статья.

Прежде чем перейти к анализу сферы правового регулирования, следует рассмотреть отдельные категории, которые позволяют отобразить существенные особенности всего процесса правового регулирования: «рекурсия», «метасистема», «системно-рекурсивный подход» – и изучить соотношение категории «правопроецесс» и понятия «правоотношение».

Понятие «рекурсия» встречается в различных науках: в математике в виде рекурсивной функции; в физике классическим примером бесконечной рекурсии являются два поставленных друг напротив друга зеркала; в программировании – рекурсивная процедура; в биологии – понятие аутопойезиса и т. д. Рекурсия в этом значении понимается нами как явление, содержащее само себя в качестве компонента собственной структуры.

Понятие «рекурсия» тесно связано с категорией «реализация». Рассматривая различные варианты (формы) реализации права в виде текстов (нормативные правовые акты, юридические прецеденты), в виде обычаев и в конечном итоге в правосознании субъектов, можно сделать предположение о существовании своеобразной «сансары права», включающей в себя множественность вариантов (форм) реализации права в контексте рекурсивного развития философских категорий «форма» и «содержание». В этом случае категория «реализация» выступает связующим звеном для категорий «форма» и «содержание»: содержание есть реализованная форма (на одном уровне), а форма, в свою очередь, есть реализованное содержание (на другом уровне). Одно из основных свойств реализованного права, обеспечивающих его развитие и непротиворечивость его норм, – саморегулируемость права, которая выступает следствием его ре-

курсивной природы [3, с. 5–7]. При этом понятно, что философско-поэтическая категория «сансара права» является несколько отстраненной, где-то чрезмерно идеалистической, но именно с ее помощью происходит восприятие самой рекурсивности реализованного права.

Отголоски категории «сансара права», приводящей нас к пониманию такой рекурсивности, можно обнаружить в знаковых словах Ганса Кельзена: «...учение о ступенчатом строении правопорядка (Stufenbau der Rechtsordnung) рассматривает право в движении, в постоянно обновляющемся процессе самосоздания. Это динамическая теория права – в отличие от статической, которая пытается понять право (его действительность, сферу действительности и т. д.) как уже готовый порядок, не принимая во внимание его создание» [4, с. 343].

Множество правовых понятий при внимательном их рассмотрении по своей сути являются рекурсивными или самоприменимыми. Так, А. П. Дудин в свое время указывал, что «правоотношение есть ... саморазвивающаяся и саморегулируемая система» [5, с. 65]. В. Н. Протасов, описывая связь процесса правового регулирования и правоотношения, отмечал, что «процесс связан с правоотношением в разных аспектах. Он состоит из отдельных правоотношений и в то же время сам есть сложное правоотношение» [6, с. 138].

Для характеристики самоприменимости права большое значение имеет категория «метасистема». Данная категория была введена в науку немецким математиком Давидом Гильбертом в разработанной им метаматематике или теории доказательств и использовалась для разрешения вопросов непротиворечивости и полноты. Стоит отметить, что применение термина «метаматематика» является традиционным с начала XX века. Понятия непротиворечивости и полноты – в своей совокупности аналог юридического термина «законность» в общей теории права. Вопросы непротиворечивости и полноты в теории формальных систем считаются наиболее изученными, выявлен целый класс формальных систем, обладающих признаками полноты и непротиворечивости. При этом существенной проблемой в теории формальных систем, вызывающей определенную тревогу, выступает проблема общей неразрешимости вопроса непротиворечивости, выраженная во второй теореме Курта Фридриха Гёделя о неполноте [7, S. 173–198].

Стоит обратить внимание на аналогию категории «метасистема» в теории формальных систем и принципов (аксиом) в общей теории права. Правовая природа принципов в реализованном праве отличается от правовой природы традиционных норм права: если основная часть норм права регулирует поведение субъектов, то предметом регулирования принципов права являются собственно нормы реализованного права. Категория «метанормы» как нельзя лучше отражает правовую природу принципов реализованного права, наполняя смыслом категорию «метаправо».

Основными механизмами логического мышления, реализующими процесс построения структуры формальных понятий в праве, выступают дедукция [8, с. 154] и индукция [9, с. 206]. Природа этих понятий явно рекурсивная. Используя понятия «индукция» и «дедукция» с учетом их рекурсивности, можно прийти к расширенному пониманию системного подхода, который рассматривает предмет изучения одновременно в качестве: а) компонента; б) структуры, которая состоит из компонентов. Рекурсивность предоставляет возможность, с одной стороны, определить компонент структуры в качестве такого компонента, который также может иметь свою структуру; с другой стороны, и саму структуру мы можем рассматривать как компонент структуры некоего метакомпонента. Рекурсивность в системном подходе позволяет объединить в едином понятии дедукцию и индукцию как своеобразные «направления» рекурсии: дедукция дает возможность раскрывать содержание структуры, а индукция – формировать метакомпоненты в рамках системного подхода. Если использовать понятия трехмерного пространства, то можно предположить, что в процессе построения структуры понятий дедукция направлена внутрь структуры, а индукция – вовне структуры. Можно также прийти к выводу, что в рамках системного подхода дедукцию можно определить в качестве «внутренней рекурсии», а индукцию – «внешней рекурсии».

Таким образом, с использованием понятия «рекурсия» приходим к расширенному пониманию системного подхода как системно-рекурсивного подхода, включающего понятия «дедукция» и «индукция» в качестве механизмов формирования структуры понятий в контексте реализованного права.

При анализе понятий «правопроецесс» и «правоотношение» первичным выводом может быть их соотношение как общего (целого) и частного (части). Понятие «отношение» характеризует состояние процесса в определенный момент времени. Очевидным является то обстоятельство, что именно категория «правопроецесс» будет в наилучшей степени отражать как динамику развития социальных взаимодействий, так и динамику развития общих норм реализованного права, разрешая вопросы точности и эффективности правового регулирования в целом. Развитие понятия «правовое отношение» и преобразование его в категорию «правопроецесс» позволяет найти подходы для разрешения комплекса проблем, которые и стали предметом подробнейшего изучения в вышеупомянутой монографии П. П. Серкова.

Прежде чем перейти к раскрытию сути категорий и понятий, которые явились результатом анализа сферы правового регулирования общественных процессов, необходимо сказать несколько слов о природе правового регулирования.

Отправной точкой в этом случае является понимание права как того свойства материи, которое реализуется в ее стремлении к равновесию

в поведении субъектов; критерием для реализации указанного свойства является эффективность. Аналогичная позиция содержится в размышлениях Ганса Кельзена о природе естественного права: «...естественное право является одним из идеалистических учений о праве. Оно отличается от других идеалистически-дуалистических учений о праве тем, что, как следует из его названия, рассматривает «природу» в качестве источника, из которого исходят нормы идеального, справедливого права. Природа, – природный мир в целом, либо человеческая природа в частности, – функционирует как нормативный или, иными словами, нормотворческий авторитет» [4, с. 488].

Такой подход соотносится с указанной выше категорией «сансара права» и дает представление о процедуре регулирования действий субъектов как о процессе взаимодействия множества актов реализации права как свойства материи. При реализации такого подхода разрешается вопрос о соотношении социальных процессов и процессов правового регулирования – это различные виды реализации права как свойства материи.

Анализ сферы правового регулирования приводит к тому, что в результате нахождения субъектов на одной территории возникает необходимость регулировать их действия в пространстве и во времени. Такая необходимость в итоге преобразуется в общественный договор существующих субъектов, который является основанием для учреждения формальных субъектов (родов, общин, корпораций и т. п.), реализующих процесс эффективного сосуществования материальных субъектов. На сегодняшний день наивысшей формой реализованного права является государство, которое *de facto* представляет собой народ, территорию и объекты на данной территории, а *de iure* определяется как глобальный учрежденный формальный субъект, функционирующий по определенным правилам.

Таким образом, можно прийти к выводу о природе права: само право материально по своей природе (форме) и процессуально по своему характеру (содержанию). В основе реализованного (позитивного) права лежит общественный договор субъектов, в соответствии с которым и осуществляется процесс правового регулирования. Стоит заметить, что по форме и содержанию такой договор является описанием (формой) и реализацией (содержанием) процесса взаимодействия субъектов в пространстве и во времени. В подтверждение процессуального характера права можно привести обстоятельство, согласно которому предметом правового регулирования должны быть действия субъектов, поскольку именно они приводят к изменениям, подлежащим правовой фиксации в качестве значимых для права событий.

Рассматривая право как свойство материи и понятие реализованного права, нельзя обойти вниманием само понятие «чистого права», введенного Гансом Кельзеном: «...чистое учение о праве (*reine Rechtslehre*) есть теория позитивного права: позитивного права вообще, а не какого-либо конкрет-

ного правопорядка. Это общее учение о праве, а не интерпретация отдельных национальных или международных правовых норм» [4, с. 10].

Результатом реализации такого «чистого права» является трансформация естественных прав материальных субъектов; эти права требуют известных ограничений в связи с их совместной реализацией в пространстве и во времени. Тем самым позитивное право неразрывно связано с формальными учрежденными субъектами: общиной, родом, племенем, государством. Можно предположить, что в своей совокупности реализованное право представляет собой сочетание естественного и позитивного права, а именно – сочетание естественных прав материальных субъектов и тех правомочий учрежденных субъектов, которые разумно ограничивают естественные права материальных субъектов.

Проведенный анализ сферы правового регулирования приводит к выводу о необходимости использования следующих понятий: «материальный субъект», «учрежденный (формальный) субъект», «материальный и формальный уровни правового регулирования», «правовой статус субъекта».

Отправной точкой в правовом регулировании является материальный уровень этого регулирования. Если быть точнее, то это формальный уровень, имеющий прямую материальную аналогию. Наличие данного уровня регулирования существенно для степени эффективности всей правовой регламентации, поскольку именно на этом уровне расположены нормы права в их материальном понимании. Материальный уровень правового регулирования является одновременно и конечной точкой воздействия права, поскольку право, регулируя поведение субъектов, фактически реализует процесс их эффективного сосуществования.

Само эффективное сосуществование этих субъектов является формальным, однако оно при этом реализуется вполне материальным способом – регулированием материальных действий материальных же субъектов. Таким образом, процесс эффективного сосуществования субъектов в конечном итоге реализуется на материальном уровне правового регулирования.

Наличие формальных понятий в праве является вполне объяснимым явлением. Предпримем попытку определить причины их появления; в качестве основных механизмов формирования данных понятий будем использовать дедукцию и индукцию. Анализ области правового регулирования при рассмотрении права на этапах его реализации приводит к тому, что структура понятий начинает формироваться в соответствии с системным подходом, используя дедуктивный метод – «от общего к частному» в направлении от понятия «государство» как учрежденного субъекта к материальному уровню правового регулирования.

То, как реализуется системный подход при формировании структуры реализованного права, можно рассмотреть на примере т. н. «итерации права». Термин «итерация» (*iteratio*) означает по-

вторное применение (повторение) математической операции (с измененными данными) при решении вычислительных задач для постепенного приближения к нужному результату [10, с. 345]. В соответствии с принципом разделения властей государство в качестве компонентов своей структуры содержит законодательный, исполнительный и судебный компоненты. Исходя из этого, в реализованном праве появляются соответствующие понятия. Затем право, самоприменяясь на уровне каждого компонента своей структуры, формирует структуру понятий реализованного права. И так далее – до материального уровня правового регулирования, в смыслах которого раскрывается значение других уровней правовой регламентации.

Понятие «правовой статус субъекта» в форме множества допустимых для субъекта действий в определенный момент времени и в определенной точке пространства выступает в качестве характеристики состояния субъекта в процессе правового регулирования. Таким образом, можно прийти к пониманию субъекта права, с одной стороны, как совокупности правозначимых характеристик, позволяющих идентифицировать этого субъекта, а с другой – в виде правового статуса этого субъекта.

На необходимость введения понятия «правовой статус субъекта» указывает и П. П. Серков: «...введение правовых статусов субъектов правоотношения с очевидностью выступает публичной потребностью и заслуживает признания в качестве одного из обобщенных объектов правового регулирования. Вместе с тем данная потребность является промежуточной, а не итоговой, ибо без правовых статусов субъектов правоотношений невозможно достижение объекта правоотношения, а значит, и самого правового регулирования» [2, с. 188–189]. В то же время стоит отметить, что понятие правового статуса субъекта в нашем понимании ближе к тому, как его понимала Р. О. Халфина, которая в качестве элементов понятия правового статуса рассматривала: 1) социальные блага; 2) права и обязанности в реальных правоотношениях; 3) правосубъектность [1, с. 125]. П. П. Серков же предлагает развитие понятия правового статуса субъекта за счет введения категории «потребности – цели» [2, с. 184].

Понятие правового статуса субъекта, как представляется, поможет избавиться от неправильного понимания категории «равноправие». Очевидным является тот факт, что при декларируемом равноправии (формальном равноправии) субъекты обладают различным по объему и качественным характеристикам набором правомочий. Сравнение набора доступных субъективных прав должностного лица и среднестатистического гражданина является тому подтверждением. По нашему мнению, истинный смысл понятия «равноправие» заложен в принципиальной возможности занять любую сторону в правовом процессе, а не в иллюзии одинакового объема возможных правомочий.

Понятие «правовой статус субъекта» в реализованном праве позволяет повысить точность право-

вого регулирования и реализовать подход «*право не для всех, но для каждого*», при котором действия каждого субъекта станут предметом правового регулирования. Реализация в праве понятия правового статуса субъекта влечет за собой возникновение проблемы средств фиксации структуры реализованного права, которая в этом случае будет иметь динамический характер.

Усложнение структуры реализованного права является необходимым условием для повышения степени точности правового регулирования. Текстами на бумаге все сложнее регулировать социальные процессы, происходящие в пространстве и во времени. В качестве выхода из сложившейся ситуации возможно использовать форму виртуальной реализации структуры позитивного права.

Реализуемый учрежденным субъектом способ правового регулирования влияет как на сам процесс правового регулирования, так и на его структуру. Стоит отметить, что в общей теории права существенной проблемой является то, как именно этот аспект процесса правового регулирования находит свое отражение.

Разделение метода (способа) правового регулирования на императивный и диспозитивный, как представляется, предполагает неверное толкование и фактически влечет существенные структурные проблемы, заключающиеся во включении санкции в структуру всего процесса правового регулирования. Ввиду того, что возможность прямого регулирования существует не всегда, реализуется косвенный способ в виде процесса юридической ответственности, который представляет собой качественно *иной* процесс с *иными* субъектами и *иными* правозначимыми деяниями в форме правонарушения. Фактически «диспозитивный» – это, собственно, и не метод регулирования вовсе, содержание которого в принципе говорит об отсутствии регулирования как такового. Для того чтобы придать ему признаки метода правового регулирования, в его структуру была включена процедура юридической ответственности, что с точки зрения системного подхода не является верным.

Понятия «императивный» и «диспозитивный» применительно к методу правового регулирования фактически соотносятся как «прямой» и «косвенный». Реализованный ранее подход с включением санкции в структуру правовой нормы был оправдан, однако в связи с общей тенденцией погружения социальных взаимодействий в виртуальное пространство данная неточность подлежит известной коррекции: от «косвенного» метода правового регулирования в форме механизма юридической ответственности к «прямому» (директивному) методу правового регулирования с использованием цифровых технологий.

Таким образом, проведенный анализ сферы правового регулирования с использованием системного подхода и понятия «рекурсия» позволяет сделать следующие принципиальные выводы:

1) применение рекурсивного подхода к пониманию процессов регулирования взаимодействия

субъектов в обществе в рамках соответствующей парадигмы правового регулирования позволяет понять саму природу правовой регламентации. Представление о праве как о свойстве материи дает возможность определить категории «общественные процессы» и «процессы правового регулирования» как различные формы реализации права, указав на их единую сущностную природу;

2) рассматривая категорию «правопроецесс» в качестве варианта развития понятия «правоотношение», мы можем получить возможность с наиболее подходящей позиции рассмотреть процесс формирования структуры реализованного права и выявить его закономерности. Одной из основных особенностей, вызывающей интерес, выступает процесс формирования структуры принципов реализованного права и их влияния на структуру этого права в целом с учетом того, что именно принципы права являются основой для реализации одного из основных свойств права – саморегулирования;

3) понятие «метасистема» позволяет найти необходимые методы к исследованию природы принципов права. В контексте избранного подхода становится очевидным разграничение принципов права на принципы «чистого права» (по Гансу Кельзену) и принципы реализованного права;

4) категория «процесс» с учетом ее рекурсивности позволяет рассматривать похожую категорию «правопроецесс» в качестве единого механизма взаимодействий различных реализаций права, с одной стороны, объединяя их в единую категорию, а с другой – предоставляя возможность изучать процессы правового регулирования на материальном уровне, повышая тем самым степень эффективности правового регулирования;

5) общая тенденция развития современного общества диктует необходимость перехода от «косвенных» методов регулирования социальных взаимодействий к «прямым» методам регламентации. Тенденция развития технических средств контроля и систем автоматической обработки информации, с одной стороны, предоставляет праву возможность реализовывать «прямые» методы правового регулирования, с другой же стороны, предполагает «погружение» права в виртуальное пространство;

6) цифровое право (право, «погруженное» в виртуальное пространство) позволит реализовать более эффективную и сложную динамическую структуру права. Реализация такой динамической структуры должна сопровождаться развитием понятия правового статуса субъекта, которое позволяет осуществить принцип «право не для всех, но для каждого».

Процесс совершенствования правового регулирования сопровождается развитием имеющихся общетеоретических категорий и понятий, а также появлением новых. Полагаем, что указанные в статье термины, полученные в результате анализа сферы правовой регламентации и синтеза общей теории права с теорией формальных систем с ис-

пользованием системно-рекурсивного подхода, позволили кратко описать особенности категории «правопроецесс», которая является логическим развитием традиционного понятия «правоотношение» в контексте рекурсивной парадигмы в современном правовом регулировании.

Библиографический список

1. Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. М.: Юридическая литература, 1974. 352 с. URL: <http://www.ex-jure.ru/law/news.php?newsid=292>.
2. Серков П. П. Правоотношение (Теория и практика современного правового регулирования): в 3 ч. Ч. I: Грани правового неведомого. М.: Норма, 2019. 512 с.
3. Сinyaков Д. К. Концепция правового аутопойезиса. Теоретическое обоснование. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2014. 175 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24747901>.
4. Кельзен Г. Чистое учение о праве / пер. с нем. 2-е изд. СПб.: Издат. дом «Алеф-пресс», 2015. 542 с. URL: http://ivka.rsuh.ru/binary/78809_76.1462732758.46936.pdf.
5. Дудин А. П. Диалектика правоотношения. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1983. 121 с. URL: <https://ru.b-ok.org/book/3206168/08e040>.
6. Протасов В. Н. Правоотношение как система. М.: Юридическая литература, 1991. 143 с. URL: <https://tigr.files.wordpress.com/2012/05/d0bfd180d0bed182d0b0d181d0bed0b2-d0b2-d0bd-d0bfd180d0b0d0b2d0bed0bed182d0bdd0bed188d0b5d0bd0b8d0b5-d0bad0b0d0ba-d181d0b8d181d182d0b5.pdf>.
7. Gödel K. Über formal unentscheidbare Sätze der Principia Mathematica und verwandter Systeme I // Monatshefte für Mathematik und Physik. 1931. Band 38. Ausgabe 1. S. 173–198. URL: <http://www.w-k-essler.de/pdfs/goedel.pdf>.
8. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 основных тома и 4 дополнительных тома). СПб., 1890–1907. Т. 10. 480 с. URL: <https://runivers.ru/lib/book3182/10217>.
9. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 основных тома и 4 дополнительных тома). СПб., 1890–1907. Т. 13. 480 с. URL: <https://runivers.ru/lib/book3182/10217>.
10. Лопатников Л. И. Экономико-математический словарь: словарь современной экономической науки. 5-е изд. М.: Дело, 2003. 520 с. URL: <http://bookre.org/reader?file=1213790>.

References

1. Khalфина R. O. *Obshchee uchenie o pravootnoshenii* [General doctrine of legal relationship]. M.: Yuridicheskaya literatura, 1974, 352 p. Available at: <http://www.ex-jure.ru/law/news.php?newsid=292> [in Russian].
2. Serkov P. P. *Pravootnoshenie (Teoriya i praktika sovremennogo pravovogo regulirovaniya): v 3 ch. Ch. I: Grani pravovogo nevedomogo* [Legal relationship (Theory and practice of modern legal regulation): in 3 parts. Part I: Verges of legal unknown]. M.: Norma, 2019, 512 p. [in Russian].
3. Sinyaков D. K. *Kontseptsiya pravovogo autopoiezisa. Teoreticheskoe obosnovanie* [The concept of legal autopoiesis. Theoretical justification]. M.:

YuNITI-DANA, 2014, 175 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24747901> [in Russian].

4. Kelsen H. *Chistoe uchenie o prave. 2-e izd. Per: s nem.* [Pure Theory of Law. 2nd edition. Transl. from German by Mikhail Antonov and Sergey Loesov]. St. Petersburg: Alef Press Publishing House], 2015, 542 p. Available at: http://ivka.rsuh.ru/binary/78809_76.1462732758.46936.pdf [in Russian].

5. Dudin A. P. *Dialektika pravootnosheniya* [Dialectics of legal relationship]. Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta, 1983, 121 p. Available at: <https://ru.b-ok.org/book/3206168/08e040> [in Russian].

6. Protasov V. N. *Pravootnoshenie kak sistema* [Legal relationship as a system]. M.: Yuridicheskaya literatura, 1991, 143 p. Available at: <https://tigp.files.wordpress.com/2012/05/d0bfd180d0bed182d0b0d181d0bed0b2-d0b2-d0bd-d0bfd180d0b0d0b2d0bed0bed182d0bdd0bed188d0b5d0bdd0b8d0b5-d0bad0b0d0ba-d181d0b8d181d182d0b5.pdf> [in Russian].

7. Gödel K. *Über formal unentscheidbare Sätze der Principia Mathematica und verwandter Systeme I* [About formally undecidable propositions of Principia Mathematica and related systems I]. In: *Monatshefte*

für Mathematik und Physik [Monthly for mathematics and physics], 1931, Band 38. Ausgabe 1, pp. 173–198. Available at: <http://www.w-k-essler.de/pdfs/goedel.pdf> [in German].

8. *Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona: v 86 t. (82 osnovnykh toma i 4 dopolnitel'nykh toma)* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary: in 86 Vols. (82 main volumes and 4 additional volumes)]. SPb., 1890–1907, Vol. 10, 480 p. Available at: <https://runivers.ru/lib/book3182/10217> [in Russian].

9. *Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona: v 86 t. (82 osnovnykh toma i 4 dopolnitel'nykh toma)* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary: in 86 Vols. (82 main volumes and 4 additional volumes)]. SPb., 1890–1907, Vol. 13, 480 p. Available at: <https://runivers.ru/lib/book3182/10217> [in Russian].

10. Lopatnikov L. I. *Ekonomiko-matematicheskii slovar': slovar' sovremennoi ekonomicheskoi nauki. 5-e izd.* [Mathecon Dictionary. A Reference of Modern Applied and Mathematical Economics. 5th edition, expanded and updated]. M.: Delo, 2003, 520 p. Available at: <http://bookre.org/reader?file=1213790> [in Russian].